

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
Глава 1. Теоретические основы исследования	17
1.1. Субъективистская теория истины в теоретической лингвистике.....	18
1.2. Принцип эссенциализма в теоретической лингвистике и его прикладное значение.....	24
1.3. Истина как соответствие фактам. Дуализм решений и фактов	36
Глава 2. Общая характеристика судебной лингвистической экспертизы	45
2.1. Судебная лингвистическая экспертиза как отрасль юридической лингвистики.....	46
2.2. Проблема разграничения лингвистического и юридического уровней в лингвистической экспертизе.....	49
2.3. Лингвистическая экспертиза в процессуально-юридическом аспекте	52
2.3.1. Субъект экспертизы. Типы экспертиз	52
2.3.2. Место лингвистической экспертизы в процессе установления фактов, имеющих значение для разрешения дела.....	56
2.3.3. Выводы эксперта. Оценка экспертизы следственным и судебным органом.....	59
2.4. Лингвистическая экспертиза как исследование продуктов речевой деятельности	62
2.4.1. Объект и предмет лингвистической экспертизы	62
2.4.2. Цели и задачи лингвистической экспертизы. Пределы компетенции эксперта-лингвиста	66
2.4.3. Проблема метода лингвистической экспертизы.....	73
2.4.3.1. Интроспективные методы. Метод субституции спорных смыслов.....	74
2.4.3.2. Экспериментальные методы	80
2.4.4. Выводы из экспертного заключения в исследовательском аспекте.....	82
2.5. Проблема отнесения лингвистической экспертизы к определенному роду судебных экспертиз	85

Глава 3. Общая характеристика экспертных задач, решаемых при производстве лингвистической экспертизы в рамках различных категорий дел.....	87
3.1. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении	87
3.1.1. Общая характеристика экспертных задач по делам об оскорблении.....	87
3.1.2. Оскорбление как феномен права	90
3.1.3. Феномен оскорбления в правосознании лингвиста	96
3.1.4. Решение проблемы оскорбления в лингвистической экспертиологии.....	99
3.1.5. Оскорбление как форма речевого поведения (оскорбление как речевой акт).....	108
3.1.6. Другие формы речевого поведения, способные вызывать перлокутивный эффект обиды (обвинение и понижение статуса).....	115
3.1.7. Проблемы экспертной квалификации неприличной формы.....	117
3.2. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о клевете и распространении не соответствующих действительности порочащих сведений.....	120
3.2.1. Общая характеристика экспертных задач.....	120
3.2.2. Фактитивные и оценочные утверждения как феномен права	120
3.2.3. Проблема разграничения категорий «событие», «оценка», «факт», «мнение»	122
3.2.3.1. Проблема разграничения категорий «сведение/мнение», «оценка/факт»	122
3.2.3.2. Противопоставление определенных и неопределенных высказываний.....	128
3.2.3.3. Противопоставление оценочных и описательных (дескриптивных) высказываний.....	135
3.2.3.4. Проблема разграничения категорий «факт» и «событие»	143
3.3. Судебная лингвистическая экспертиза по делам о разжигании межнациональной, религиозной, социальной розни и призывам к экстремистской деятельности.....	148
3.3.1. Общая характеристика экспертных задач. Призывы как феномен права.....	148
3.3.2. Призыв как речевой акт	151

3.4. Судебная лингвистическая экспертиза по делам, связанным с угрозой	153
3.4.1. Общая характеристика экспертных задач	153
3.4.2. Угроза как феномен права	155
3.4.3. Угроза как речевой акт	158
3.5. Некоторые задачи, решение которых не требует привлечения специалиста, обладающего познаниями в области лингвистики	160
3.5.1. Установление наличия/отсутствия негативной информации о лице/группе лиц	161
3.5.2. Квалификация информации на предмет ее отношения к наркотическим и психотропным веществам	163
Глава 4. Решение экспертных задач в рамках различных категорий дел	165
4.1. Решение экспертных задач по делам об оскорблении	165
4.1.1. Экспертная ситуация 1	165
4.1.2. Экспертная ситуация 2	170
4.1.3. Экспертная ситуация 3	182
4.2. Решение экспертных задач по делам о распространении не соответствующих действительности порочащих сведений	186
4.2.1. Экспертная ситуация 1	186
4.2.2. Экспертная ситуация 2	193
4.2.3. Экспертная ситуация 3	208
4.3. Решение экспертных задач по делам о разжигании национальной, религиозной, социальной розни и призывам к экстремистским действиям	220
4.3.1. Экспертная ситуация 1	220
4.3.2. Экспертная ситуация 2	235
4.3.3. Экспертная ситуация 3	243
4.4. Решение экспертных задач по делам, связанным с установлением угрозы	249
4.4.1. Экспертная ситуация 1	249
Заключение	258
Библиография	264
Приложение. Типовые вопросы и пределы компетенции эксперта-лингвиста в рамках решения экспертных задач по различным категориям дел	290
Список условных сокращений	298

ВВЕДЕНИЕ

В начале 90-х годов прошлого века появилась новая отрасль лингвистического знания — юридическая лингвистика — наука, предметом которой является зона пересечения языка и права. Появление новой отрасли стимулировало активизацию междисциплинарных исследований, имеющих свои специфические проблемы. Как правило, эти проблемы связаны с филологическим обеспечением профессиональной юридической деятельности в различных ее проявлениях (законотворчество, законоприменение, судебное красноречие, судебная экспертиза).

Лингвистика, начав взаимодействие с юриспруденцией и юридической деятельностью, обрела новую и достаточно широкую сферу применения, и значимость теоретической лингвистики для юриспруденции в настоящее время не вызывает сомнений и признается многими исследователями [Берг, 2004; Галяшина, 2003; Горошко, 2006; Губаева, 2002; Иваненко, 2006; Нефляшева, 2001]. Лингвистика в этом аспекте выступает в инструментальной функции: лингвистические знания позволяют решать актуальные социальные задачи (в частности, лингвистическая экспертиза служит одним из способов получения доказательственной информации). Но вопрос о значении юриспруденции для фундаментальной теоретической лингвистики не является достаточно разработанным [Голев, 2009]. Это значение оценивается как периферийное и соответствует общему представлению о том, что прикладные аспекты языкознания — периферийная область для науки [Голев, Матвеева, 2006]. Однако «фоновость» прикладных аспектов языкознания, по нашему мнению, не может быть переоценена. На глубинном уровне теоретическое и прикладное исследования представляются в каком-то отношении единым целым. Эта целостность может быть обоснована логически.

Исследование, которое осуществляет лингвист в ходе проведения судебной лингвистической экспертизы, представляет собой вид ситуационного объяснения [Поппер, 2006]. Базовым вопросом для такого вида описания является вопрос следующего типа: «Что происходило тогда-то?» Ответ на этот вопрос подразумевает знание общих высказываний вида: «Всегда если X, то Y», которые и являются теоретиче-

скими высказываниями. Таким образом, исследования в области лингвистической экспертизы предполагают наличие какой-либо теории. Это также объясняет и возможность обратного воздействия лингвистических экспертных исследований на теоретическую лингвистику: если лингвист сталкивается с ситуацией, когда он не способен дать удовлетворительного объяснения тому, что происходило в конкретной спорной ситуации, это, по меньшей мере, свидетельствует о том, что на теоретическом уровне отсутствует удовлетворительное описание или объяснение какого-то типа ситуаций, что может стимулировать теоретические поиски и привести к пересмотру лингвистических теорий.

На методологическом уровне описанная ситуация означает то, что лингвистическая наука, получившая еще один выход в практическую сферу, приобрела также новую область верификации и фальсификации своих теоретических предположений и описаний. В этом смысле лингвистическая экспертология и лингвистическая экспертиза выступают для теоретической лингвистики в качестве своего рода нового материала, на котором можно проверить теоретические лингвистические построения и апробировать их эффективность.

Необходимость предпринятого исследования обусловлена как внутренними, так и внешними факторами развития лингвистического знания. К числу первых факторов относится прежде всего необходимость осознания основ лингвистической науки, ее места в гуманитарном знании, качеств и свойств собственно теоретического исследования языка, а также возможности его развития. Вторые факторы организуются вокруг недавно возникшей отрасли прикладной лингвистики — юридической лингвистики [Араева, 2006а, 2006б; Баранов, 2007; Бутакова, 2003, 2007а, 2007б; Галяшина, 2003, 2005, 2006; Голев, 1999, 2002; Доронина, 2004, 2008; Иваненко, 2006; Кара-Мурза, 2003, 2004; Катышев, 2001; Лебедева, 2000; Матвеева, 2002, 2005; Мишланов, 2007; Осадчий, 2006, 2007; Чернышова, 2000, 2002; Шарифуллин, 2005, 2007], в частности, одной из ее подотраслей — лингвистической экспертологии. Для последней особенно актуален вопрос о применении существующих лингвистических теорий при установлении доказательственных фактов в ходе экспертного исследования спорных текстов.

Две названные группы факторов, как отмечалось выше, на глубинном уровне восходят к одной проблеме — проблеме теоретического

знания как знания, решающего конкретные проблемы эмпирического характера, объясняющего и описывающего факты. Различие обусловлено лишь тем, что при собственно теоретическом исследовании проблемы и факты возникают как результат прогресса научного познания, они напрямую не связаны с социальной жизнью общества, тогда как во втором аспекте проблемы и факты возникают как результат социального заказа.

Необходимость работы обусловлена и тем, что в настоящее время, по нашему мнению, в лингвистике явно не обсуждается вопрос о качестве теорий, лежащих в основе лингвистической науки. Особенно это касается отражательного уровня теоретических построений. Такие вопросы, как «Какие факты реальной действительности описывает теория? Какие теории применяются в прикладных областях знания и как они применяются?», не получают надлежащего освещения ни в теоретической, ни в прикладной лингвистике. Это связано с тем, что в современной теоретической лингвистике явно ослаблен описательный момент, описательный в том смысле, что любая теория описывает и объясняет то, что происходит в реальной действительности.

В настоящее время в лингвистике теория — это нечто абстрактное и весьма слабо соотносящееся с реальностью, которая связана с эмпирическим базисом науки (существует, например, проблема фактического содержания лингвистических терминов и описаний [Хомский, 1972] и проблема психологической реальности лингвистических гипотез [Человеческий фактор, 1991, с. 82]). Само употребление слов «теоретическое» и «теория» в лингвистических исследованиях движется в сторону словоупотребления, осложненного следующей коннотацией: «Общие отвлеченные рассуждения, соображения в противовес практической деятельности или реальной действительности» и отдалается от дескриптивного значения: «Совокупность научных положений, обосновывающих общий принцип объяснения каких-л. фактов, явлений»¹. Этот эффект, по нашему мнению, возникает в связи с тем, что наука в процессе объяснения переходит от известного к неизвестному. «Объяснение в чистой науке всегда представляет собой логическое сведение одних гипотез к другим — гипотезам более высокого уровня универсальности; сведение “известных фактов” и известных

¹ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.

теорий к предположениям, которые известны нам гораздо меньше и которые еще нуждаются в проверке» [Поппер, 2004, с. 110]. В частности, постулируются ненаблюдаемые объекты [Шаумян, 1965] и новые отношения. Таким образом, научное знание отдаляется от того, что именуют непосредственными данными, и создаются определенные трудности в интерпретации теорий и терминов, употребленных в этих теориях; вопрос, на что они указывают, время от времени возникает в лингвистике [Звегинцев, 2001; Человеческий фактор, 1991]. Отсюда возникают сомнения в том, что эти теории и термины вообще что-то означают [Лемов, 2004], а процесс теоретического исследования кажется похожим на отвлеченное от реальности рассуждение. Результаты этого процесса наиболее ярко иллюстрируются концепциями, в которых указывается на то, что лингвистические теории — это конструкторы, этим названием актуализируется мысль о том, что в каком-то отношении невозможно говорить о соответствии конструкторов действительности. Естественно, что деятельность по созданию конструкторов вполне можно определить как общие отвлеченные рассуждения, соображения в противовес практической деятельности или реальной действительности. Таким образом, появляется представление о том, что теория — это нечто отвлеченное от действительности, слабо с ней связанное или, по крайней мере, непонятно, каким образом связанное.

Более умеренной в этом аспекте оказывается идея огрубления, которая связана с постулированием неизбежности огрубления реальной действительности при теоретическом исследовании, эта идея восходит к эссенциалистским представлениям о познании. (Под эссенциализмом мы понимаем гипотезу, согласно которой возможно познание реального мира при помощи окончательных, далее необъяснимых сущностей [Поппер, 2002].) Эта гипотеза наиболее отчетливо обнаруживается в представлениях о функции общих (нарицательных) слов естественного языка, согласно которым нарицательные слова обозначают вещи и явления, объединенные скрытой сущностью, цель научного познания при таком подходе заключается в обнаружении этой скрытой сущности. Идея огрубления иллюстрирует скептический вариант эссенциализма, фактически утверждает, что истинная сущность мира или явления не может быть до конца познана, но тот факт, что она, согласно этой концепции, существует, не вызывает сомнений. Таким образом, тот факт, что при описании происходит огрубление

реальности, свидетельствует о том, что описания в каком-то смысле не соответствуют действительности, поскольку эта действительность не такова, каковой она описывается. Эта теория поддерживается другим утверждением, которое связано с принятием субъективной теории истины: описания всегда релятивны, по крайней мере относительно языка и человеческой природы, поэтому человек описывает только так, как способен видеть, слышать, чувствовать или выражать свои мысли, и, следовательно, теории неизбежно огрубляют и не могут описать то, какова ситуация или вещь на самом деле.

В монографии развивается концепция, согласно которой теоретическая деятельность — это деятельность по созданию конструктов в том смысле, что теории — это человеческие изобретения; в этом аспекте они действительно конструкты, но это не означает, что они не могут соотноситься с действительностью. Некоторые лингвистические теории, возможно, слабо соотносятся с действительностью или вообще с ней не соотносятся, но это не является необходимым свойством лингвистических теорий и следствием того, что теория обладает отвлеченностью или теория — это конструкт, который заведомо неверно представляет то, на описание чего он направлен. Автор работы исходит из другой теоретической предпосылки, согласно которой а) если некоторая теория огрубляет, то если найдена другая теория, которая больше соответствует действительности, ее необходимо предпочесть первой теории; б) если теория не связана с действительностью или слабо с ней связана, то необходимо разработать теорию, которая была бы с ней связана или связана больше, чем предыдущая.

Такая точка зрения предполагает признание следующих презумпций: первая связана с тем, что в лингвистических описаниях мы можем использовать теорию корреспондентной истины [Аристотель, 1999; Вригт, 1986; Дэвидсон, 1986; Лакатос, 2003; Остин, 1999; Поппер, 1992, 1993, 2002, 2004; Рассел, 1997, 2007; Тарский, <http://khazarzar.skeptik.net/books/tarski01.htm>], другими словами, истины как соответствия фактам; вторая — с отказом от концепции исходной, далее не объяснимой сущности явления (вещи, отношения т.п.), а также с признанием того, что теоретические построения при помощи критики могут приближаться к истине [Кубрякова, 2004; Лакатос, 2003; Поппер, 1992, 2002, 2004; Звегинцев, 2001]. Иначе говоря, теории могут прогрессировать в описании действительности, но это не предполагает

установления окончательной единой истины, которая может быть сформулирована в одном высказывании, или установления окончательной сущности какого-либо явления. В работе также принимается концепция методологического номинализма, согласно которой термины представляют собой не наименования группы вещей, явлений или свойств, объединенных какой-либо сущностью, но сокращения для описательной эмпирической информации, а общие слова — гипотезы об объектах реального мира, которые могут быть фальсифицированы при помощи фактических высказываний.

Таким образом, в настоящем исследовании признается, что базовой функцией теории является описание и объяснение эмпирических высказываний; теория — это то, что отвечает на вопрос, почему факты таковы, каковы они есть.

При таком подходе грань между прикладной и теоретической наукой представляется недостаточно четкой. Как уже было отмечено, теория призвана решать какую-то проблему, при этом проблема должна носить фактический характер, другими словами, теория объясняет факты, утверждения о реальной действительности. Таким образом, теория — это то, что объясняет реальное положение дел. Естественно, это не означает, что теоретическое напрямую связано с прикладным, не все теории автоматически имеют прикладное применение, теоретическое не нуждается, строго говоря, в прикладных проблемах, но обратное неверно, так как любая прикладная разработка основана на какой-либо теории. Такая теория, безусловно, может не быть явно сформулированной, более того, прикладная разработка может быть основана и на теории, которая не входит в ядро теоретической дисциплины, в рамках которой рассматриваются прикладные проблемы. Особенно это стало заметным в юридической лингвистике и в экспертных исследованиях, где факт, что экспертные исследования базируются на лингвистических теориях, только постулируется, но нигде не эксплицирован, а сами экспертные исследования скорее строятся на теориях, основанных на здравом смысле с наличием лингвистических терминов. Необходимо также отметить, что все фактические ситуации, которые возникают или выявляются в ходе прикладных исследований, могут и в каком-то отношении должны быть рассмотрены в рамках существующих теорий. Особенно значимы в данном аспекте те факты, которые противоречат принятым теориям, так как

наличие таких фактов может свидетельствовать об ограниченности объяснительных возможностей этих теорий и их объяснение может послужить основой для их улучшения или пересмотра вплоть до отказа от существующих теорий и разработки новых.

Так, например, исследования в области лингвистической экспертологии выявили, что лингвистические теории недостаточно «мощны» для того, чтобы описывать события, которые происходят в конкретное время и в конкретном месте. Мы считаем, что это отражает общее состояние лингвистической теории: практически никогда принятая или вновь разработанная теория не влечет очевидных прикладных решений, но очень часто прикладные задачи, которые пытается решить лингвистическая наука, показывают, что она не в состоянии добиться удовлетворительных прикладных результатов. Этот факт не смущает лингвистическое сообщество и, как правило, не вызывает пересмотр лингвистических концепций (тогда как это необходимо), скорее лингвисты склонны придерживаться своих убеждений, несмотря на то что они не приводят к каким-либо ощутимым результатам. Эти факты, если они истинны, иллюстрируют то, что теоретическая лингвистика не является мощной отраслью знания, в противном случае глубина исследования объекта лингвистики (ее внутреннее развитие) облегчала бы решение прикладных проблем. В настоящее время этого не наблюдается, а потому интерес к теоретической лингвистике и ее основаниям не может быть недооценен и вопросы о том, какие теоретические презумпции лежат в основе лингвистических описаний, присутствуют ли в лингвистике эмпирические теории, опровержимы ли эти теоретические презумпции опытными данными, являются центральными. В работе осуществляется попытка анализа таких предпосылок и следствий, которые влекут эти предпосылки для лингвистики, фактическим материалом исследования при этом выступает новая отрасль прикладных лингвистических знаний — судебная лингвистическая экспертология.

Таким образом, с одной стороны, работа носит метатеоретический характер, в ней осуществлена попытка построения «теории о теории». Эта попытка еще далека от признака «системное», но системные исследования в этой области являются, скорее, перспективой данной работы и в дальнейшем способны составить содержание особой дисциплины, которую можно было бы назвать «метатеоретической линг-

вистикой», настоящая же работа лишь фрагментарно отражает проблемное поле названной дисциплины.

Но более всего, на наш взгляд, проведенное исследование связано с разработкой теоретических основ новой дисциплины — лингвистической экспертологии. Описанные выше теоретические презумпции в предпринятом исследовании спроецированы на теоретическое обоснование принятия экспертных решений в ходе производства лингвистических экспертиз. Это особенно значимо, так как в настоящее время в лингвистической экспертологии доминирует сугубо прикладной подход (его также можно назвать технологическим) к решению задач, которые ставятся правоохранительными органами перед лингвистами. Сущность этого подхода заключается в том, что считается истинным утверждение, согласно которому лингвистические теории даны нам при экспертном исследовании и они удовлетворительны (или, по крайней мере, могут стать удовлетворительными при определенной их коррекции) для выполнения экспертных заданий. Таким образом, лингвистическая экспертология оказалась методикоцентричной. Одной из важнейших задач, которые стоят в центре исследований в области лингвистической экспертологии, является задача по созданию методик проведения лингвистических экспертиз по различным категориям дел. В общем случае признается, что существующих лингвистических теорий достаточно для достижения поставленной задачи. Именно этот тезис, по мнению автора, является неудовлетворительным в части способности лингвистической экспертизы описывать факты, другими словами, производить описательные высказывания о событиях, которые имели место в конкретное время в конкретном месте, причем такие высказывания, что они могут быть истинными или ложными.

Тот факт, что экспертные исследования базируются на лингвистических теориях, только постулируется, а сами экспертные исследования строятся на теориях, основанных на здравом смысле, но не на фундаментальных теоретических исследованиях. Так, например, проблема разграничения фактивности и оценочности (сведения и мнения) в рамках дел по ст. 152 ГК РФ и ст. 128.1 УК РФ никогда не была ясно сформулирована, скорее предполагалось, что лингвистическое разграничение события и оценки автоматически помогает решить эту проблему [Матвеева, 2005]. Другими словами, никогда не ставился

вопрос: какую реальную лингвистическую проблему мы решаем, когда проводим грань между описательными и оценочными высказываниями? На этот вопрос достаточно трудно ответить еще и потому, что в лингвистике весьма распространен тезис о том, что каждое высказывание субъективно, и этот тезис противоречит фактам разграничения дескриптивных и оценочных высказываний в реальных экспертных исследованиях, потому что если признается, что все высказывания субъективны, то исследовательская часть любого экспертного заключения должна строиться следующим образом: «Так как все высказывания субъективны, то высказывание X публикации У является мнением».

Не менее проблематичным представляется состояние теоретического в делах по квалификации оскорбления. Тогда как достаточно ясной является юридическая проблема, которая решается при производстве лингвистических экспертиз по делам об оскорблении, совершенно неясна лингвистическая проблема, которую необходимо решить в этом случае. Тот факт, что лингвисты дали оскорбительным словам название «инвективные слова», не имеет никакого значения, потому что, дав новое название какому-то факту, невозможно получить нового знания, поэтому такие суждения в экспертных заключениях, как «в лингвистике данные слова относятся к инвективной лексике» достаточно малосодержательны, несмотря на то что они истинны, поскольку определенные слова действительно называются в лингвистике словом «инвектива». Стоит отметить, что создание терминологического аппарата описания инвективы еще признается в качестве цели лингвистического теоретического изучения [Кусов, 2004, 2005], вероятно, при этом предполагается, что «переназывание» фактов другими словами способно решить реальные теоретические проблемы. В настоящей работе высказывается иное предположение: создание терминологического аппарата не имеет никакого значения, оно (создание) является в лучшем случае побочным продуктом решения реальных описательных проблем. Термин — всего лишь удобное средство, служащее для сокращения научного текста [Поппер, 1992].

Таким образом, тезису, согласно которому необходимо создавать методики, ведущие к принятию экспертных решений, в работе противопоставлен тезис, согласно которому необходимо обсуждать теории, на основе которых возможно построение методик или на которых они

фактически строятся в настоящее время. Обсуждать прежде всего с точки зрения способности описывать факты, так как именно этот аспект лингвистических теорий представляется не совсем неудовлетворительным. Это необходимо еще и потому, что любая методика основана на какой-либо теории, следовательно, достаточно важно выявить теоретические предпосылки, на которых основана та или иная методика или принятие того или иного экспертного решения. Другими словами, нужно решать теоретические проблемы описательного характера. Иллюстрацией сказанного могут служить примеры явно сформулированных теоретических презумпций. Еще не так давно в качестве исходного методического тезиса признавалась необходимость описания текста как целого, так как именно целое показывает значимость частей и позволяет более точно квалифицировать тот или иной речевой факт. Но это частная теоретическая предпосылка, поскольку суждение «Любой текст, фигурирующий в судебном разбирательстве, принадлежит одному человеку», является потенциально фальсифицируемым суждением, а потому не меньшее значение имеет разработка описания речевых произведений, не объединенных одним замыслом, или как если бы они содержали части, произведенные разными людьми.

Таким образом, вопрос заключается не в том, как построить приемлемую методику на описанном выше предположении, но вопрос должен быть поставлен в теоретической плоскости, а именно — соответствует ли эта теория фактам, возможно ли ее критиковать и опровергнуть, возможно ли вместо нее предложить другие теории, которые лучшим образом описывают факты т.п. Иными словами, более актуален вопрос о том, продуктивно ли представление, что целью теории является разработка терминологических аппаратов, но не вопрос о том, как можно в короткие сроки разработать приемлемый терминологический аппарат для описания оскорбления.

Эти тезисы, на наш взгляд, достаточно актуальны в настоящее время, когда в прессе появляются сообщения о том, что такой-то группе авторов поручена разработка методики проведения лингвистической экспертизы (нам также известно, что в некоторых ведомствах они уже существуют). Автор сомневается, что эти методики будут эффективны (а если они уже созданы — то эффективны) в силу того, что было сказано выше о лингвистической экспертизе и лингви-

стических теориях, которые лежат в основе этих методик, с их непродуктивным акцентом на проблемы определения терминов и выявления сущности лингвистических феноменов. Более того, эти методики, получившие гриф «Для служебного пользования», закрыты для обсуждения, что не является, на наш взгляд, положительным моментом, который стимулировал бы их развитие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru